

УДК 13 + 37.0

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ФИЛОСОФСКИХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Е. А. Мазная (Новосибирск)

В статье утверждается, что существование человека в мире актуализируется в аспекте инновационной деятельности субъекта. Свобода от догматизма авторитета предполагает наличие диалога, в чем может существовать и демонстрировать себя свобода как позитивная деятельность субъекта. Диалог выявляет субъективную природу, особенности авторской семантики деятельности человека.

Ключевые слова: категория «существование», инновационная деятельность, либерализм, отношение человека к миру.

INNOVATIVE ACTIVITY IN THE PHILOSOPHICAL AND LINGUISTIC CONCEPTS: THE THEORETICAL AND EDUCATIONAL ASPECTS

E. A. Maznaya (Novosibirsk)

It is claimed in the article that the existence of the person in the world is actualized in the aspect of innovative activity of the subject. Freedom from the dogmatism of authority presupposes the presence of dialogue where freedom can exist and demonstrate itself as positive activity of the subject. Dialogue reveals the subjective nature and the features of authorial semantics of the person's activity.

Key words: the category of «existence», innovative activity, liberalism, the relation of the person to the world.

Если мы хотим понять характер современной философии, то для этого важно понять произошедшие к началу XXI в. трансформации философского процесса в целом. Этот сдвиг можно коротко охарактеризовать как рассмотрение действительности не в онтологическом плане (как исследование устройства бытия), а в плане ее становления, то есть в аспекте инновационной деятельности человека по преобразованию этой действительности. Рассмотрим данный сдвиг на примере отношения к семантике категории «существование». Существование человеческого индивида по своей внутренней смысловой структуре есть «существование человека в мире». Выражение действительности осуществляется через посредство сознания человека, действующего в мире; это и составляет предмет языкового выражения. К. Марксу принадлежат известные суждения: «Язык есть непосредственная действительность мысли» [1, с. 448], но «ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства... они – только проявления действительной жизни» [1, с. 449]. Указание на конституирующую

Мазная Елена Анатольевна – ассистент кафедры истории и политологии ГОУ ВПО «Новосибирский государственный технический университет». 630092, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, д. 20.
E-mail: elena990@ngs.ru

щую роль категорий человеческого видения мира прослеживается в гипотезе Э. Сепира: «в значительной степени человек находится во власти конкретного языка, являющегося средством выражения в данном обществе <...> «реальный мир» в значительной степени бессознательно строится на языковых нормах...» [2, с. 233]. Итак, основная связь между философией и языковой реальностью заключается в том, что репрезентация категорий мысли осуществляется через языковые выражения, описывающие деятельность человека в мире.

Гуманитарные науки рассматривают любое явление в связи с человеком. Языковые выражения, слово не безличностны – все, что говорится, имеет авторскую семантику. Например, согласно У. Куайну, все понятия основаны на прагматических соображениях [3]. В целях художественной изобразительности языковые образы могут быть подчинены определенной тенденции, связанной с мировоззрением самого художника. Так, у Н. Некрасова предложения, выражающие экзистенциальную ситуацию отсутствия чего-либо, приобретают социально-характерологическую значимость, у А. Блока и А. Фета они служат выражению минорного настроения, грусти, тоски, зачастую – безысходности, обреченности, одиночества. Под сферой «Я» понимается та область психики, которая связана с саморефлексией, самоосознанием, самоидентификацией, собственного выбора человека в окружающем мире. Семантика текста, таким образом, должна пониматься как содержание, возникающее в мышлении автора в соответствии с замыслом, то есть отражающее интерпретацию какого-либо факта действительности и характеризующееся поставленной автором смысловой задачей.

При чисто позитивистском, натуралистическом подходе мир рассматривается лишь как «совокупность данных субъекту физических объектов». Семантика существования способна проявляться в том случае, если актуализируется человеческое индивидуальное начало. Интерпретация проявляется по отношению к некоторым объектам действительности, ориентирована на некоторого слушателя, который тоже является субъектом. Прогресс имеет место там и тогда, где и когда торжествует объектно-субъектная связь; человек все более противопоставлен миру как не менее устойчивому «объекту» в координатах того же мировосприятия.

С помощью философской категории бытие определяется, что есть сущее как таковое. В этой категории фиксируется убеждение индивида в существовании мира и самого индивида с его деятельностью. Философский подход рассматривает отношение человека к миру; в качестве одного из посредников, устанавливающего реальную связь между ними, выступает языковой способ выражения деятельности человека в мире – на примере отношения к семантике категории «существование». Выявление авторской семантики связывается со способностью человека к сохранению информации о мире (в языке), и с его способностью воспроизводить и воспринимать информацию о мире через текст, язык. Семантика выражений деятельности индивида относится к таким структурам, которые организуют или служат для организации индивидуального мира человека, особым образом обращают к отдельному субъекту (или социуму, проявляющемуся как нечленимое единство). Человеку очень сложно осознать себя

в отрыве от окружающей его действительности и своего местоположения в ней : семантика «существования, жизни» – один из способов, связующих человека с окружающим миром.

Выводы лингвистики для философии постмодернизма особенно актуальны при интерпретации любых социальных систем с позиций языка, описывающего их функционирование. М. Бахтин, работы которого нашли широкое применение в современной западной философии постмодернизма, определяя «человеческий поступок» как «потенциальный текст», писал : «Изучая человека, мы повсюду ищем и находим знаки и стараемся понять их значение» [4, с. 485]. Язык является одним из проводников идеологии, которой можно пользоваться по своему усмотрению, благодаря которой можно при желании обосновать любые политические действия, направленные на упрочение власти. Приведем в этой связи высказывание Л. Альтюссера об идеологии : «Идеология представляет собой воображаемое отношение индивидов к реально существующим условиям их бытия» [5, с. 153]. Неотъемлемой частью идеологии является постоянное воспроизводство соответствующих воображаемых отношений, достигаемых посредством привлечения человека к участию в «идеологических практиках» ряда социальных институтов. К числу таких институтов можно отнести: систему образования, семью, законодательные структуры, систему партий и профсоюзов, средства массовой информации, культуру и спорт.

Язык, таким образом, выполняет двойственную функцию: с одной стороны, среди всех семиотических систем является наиболее развитым средством общения, контакта с «другим; только язык дает индивиду полноценную возможность объективировать свою субъективность и сообщить о ней партнерам по коммуникации; с другой стороны, язык предшествует индивиду. Текст независимо от индивида уже определенным образом организует, классифицирует действительность и предлагает нам готовые формы, в которые с неизбежностью отливается всякая субъективность. Тем самым мы отдаем себя во власть системе языковых «общих мест». Мы становимся добровольными пленниками этого общего, которое в прямом смысле слова делает утопичной всякую надежду личности прорваться к «своей» эмоции, к «своему» предмету, к «своей» экспрессии [6, с. 389]. Р. Барта акцент делает на взаимоотношениях «письма» и индивида, причем подчеркивает отчуждающую власть социализированного слова: в невинном, на первый взгляд, феномене «письма». Власть – это реальная сила, переданная гражданским обществом группе высококвалифицированных менеджеров. От квалификации государственных чиновников, от характера их идеологической подготовки, умения наладить жизненно важный контакт с главными социальными слоями государства, консолидировать силы общества для решения важнейших задач жизнеобеспечения населения на достаточном, необходимом и возможном при определенных социально-природных условиях уровне зависят судьба и перспектива данной общественной системы [2, с. 98–99]. Например, как у Р. Барта – прежде всего – это власть всевозможных культурных стереотипов, унифицирующая власть «всеобщности», «стадности», «безразличия» над единичностью, уникальностью и неповторимостью [3, с. 385]. Борьбу против такой власти Р. Барт вел на протяжении всех тридцати лет своей работы в семиоло-

гии. Он призвал только одну власть – власть полилога, который ведут между собой равноправные культурные «голоса» [3, с. 386]. «Текст» для Барта – это вожденная зона свободы.

Власть языка проявляется в том, что в языке присутствуют механизмы осуществления властных тенденций подавления другой личности. Автор устраняется, заменив себя письмом, а это означает, что требуется восстановить в правах читателя. Субъект – адресат (в качестве которого выступает читатель) – центр, вокруг которого выстраивается языковая семантика. Что касается М. М. Бахтина, то его интересовали прежде всего «диалогические» взаимоотношения между «социальными языками» как таковыми, тогда как отдельного индивида он рассматривал лишь в качестве «воплощенного представителя» этих языков [7, с. 104]. И поэтому возможен диалог субъекта действительности с языком. У Х.-Г. Гадамера также подчеркивается: «Диалогический характер языка, который я пытаюсь разрабатывать, преодолевает укорененность в субъективности субъекта, так же, как и укорененность говорящего в его интенции к смыслу. То, что выходит наружу в разговоре, есть не просто чистая фиксация смысла, на который нацелена интенция, а постоянно трансформирующаяся попытка или, лучше сказать, постоянно повторяющееся искушение ввязаться во что-нибудь и связаться с кем-нибудь» [8, с. 203]. Это же мнение разделяет и Платон, создавший практически все свои произведения в форме диалогов. Диалог идеологических направлений выявляет субъективную природу, особенности авторской семантики деятельности человека.

Часто бывает, что одно идеологическое направление свергается, а другое, победившее, проводит фактически ту же политику, что и свергнутое, но только используя другое языковое объяснение. На деле борьба ведется между двумя языковыми стилями, при помощи которых враждующие фракции имитируют объективность, ибо, поскольку в их умах фактическое и языковое слиты воедино, они могут воображать, что речь идет не о власти, а о чистоте идеологии, и тем самым скрывать борьбу личных интересов. Остро встает вопрос о поиске «баланса влияния общества на государство и государства – на общество» [9; 11]. То же самое относится и к борьбе между державами, здесь также различают фактическую и языковую сферы. Борьба ведется на обоих уровнях, при помощи же языка объясняется фактическое: «кровь и слезы». В развязанной Гитлером войне Советский Союз, делавший все, чтобы избежать столкновения, объединился помимо собственной воли с демократическими силами. На языке коммунистов борьба велась против фашизма, на языке демократов – против тоталитарного государства. Преимуществом этих двух языков является то, что после войны можно было, не изменяя языки, вести холодную войну. Она также сопровождалась словесными дуэлями, которые ни в чем не уступали военным баталиям. Только в понимании русских демократы придерживались фашистских убеждений, а для демократических сил Советский Союз являлся тоталитарным государством. Однако если внутри идеологии происходят языковые изменения, то идеология начинает испытывать затруднения в отношении фактической стороны вопроса. Она ощущает, что больше не соответствует действительности: именно поэтому языковые изменения имеют разоблачительную сущность.

В современном сознании, подчиняя свое поведение требованиям конкретной идеологической практики, человек реализует себя как сознательный субъект, осуществляющий свой выбор. С точки зрения реальных социальных отношений, исходные идеологические предпосылки (как то: идеи Бога, справедливости, прогресса, долга и другие) вытесняются материальными действиями или соответствующим образом структурированным поведением, например, участием в церковных ритуалах или партийных собраниях.

Когда мы осознаем, что есть личность, то избавляемся от догматизма, слепого следования авторитета. Философские идеи всегда имели в виду определенную оппозицию догматизму текста: еще Платон указывал на то, что мышление есть «преодоление языка». В частности, это можно увидеть на примере самой идеи свободы: свобода от кого-то предполагала то, ради чего осуществляется такое освобождение, то, «под чью руку» попадает освобожденный от старой зависимости персонаж [10]. Новая действительность должна иметь фундаментальный, «сущностный» характер, как минимум, в той мере, чтобы служить достаточным основанием для прокламируемых свобод и позволить им реализоваться в процессах развертывания этой языковой действительности. Иными словами, свобода от догматизма авторитета предполагает наличие диалога; в нем существует и демонстрирует себя свобода как позитивная деятельность субъекта.

В целом следует учитывать, что высокая либеральная идея отличается от расхожего употребления слова «свобода» в ситуациях, когда на волю отпускались древнегреческий раб и средневековый крепостной. Подобные акты освобождения не меняют суть окружающей действительности, не трансформируют сложившиеся социальные отношения и структуры. Не требовалось русскому человеку быть либералом, чтобы пытаться освободиться от «татаро-монгольского ига», обложившего Русь данью. Либеральная идеологическая деятельность естественна, и она является инновацией.

Либеральная идеологическая деятельность в обществе отражается в опыте построения полисубъектной управленческой деятельности. Речь идет о разработанной организации мыслительной коммуникации субъектов в ситуации совместной деятельности. Каждый из коммуникантов способен понять и оценить как собственное существование и деятельность с точки зрения своих ценностных, профессиональных и иных позиций, так и мысль другого, реконструируя его позиции. Процесс мыслительного взаимопонимания, таким образом, перерастает в уяснение своей и другого позиций, а также сближения позиций за счет их перманентной рефлексии и развития. Личностная составляющая и личностный рост оказываются базисом мышления, коллективного, ориентированного на партнерство.

При преподавании гуманитарных дисциплин следует акцентировать внимание на различии подходов к пониманию властной деятельности в разных философских, лингвистических и политологических концепциях. Властная деятельность может рассматриваться и как аппарат насилия, и как орган управления культурно-воспитательной жизнью населения, и как система управления всеми сторонами жизни граждан – социально-экономической, правовой, образовательной, экологической.

Итак, лингвистика должна быть связана с философией, в которой рассматривается непосредственная связь человека с осознанием своего су-

ществования в мире посредством языкового выражения. Исследование действительности в плане инновационной деятельности человека отражает существование личности, способной к либеральному диалогу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Маркс, К., Энгельс Ф.** Собр. соч. : в 49 т. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1955. – Т. 3. – 630 с.
2. **Сепир Э.** Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ. – М. : Прогресс, 1993. – 656 с.
3. **Куайн У. В. О.** Вещи и их место в теориях : пер. с англ. // Аналитическая философия: становление и развитие (антология). – М., 1998.
4. **Бахтин М. М.** Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М. : Художественная литература, 1975. – С. 234–407.
5. **Althusser L.** Ideology and Ideological State Apparatuses (Notes towards Investigation) // Althusser L. Lenin and Philosophy and Other Essays. – L., 1971.
6. **Барт Р.** Смерть автора / пер с англ. // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1994. – С. 384–391.
7. **Бахтин М. М.** Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философии анализа // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. – М., 1986.
8. **Гадамер Х.-Г.** Герменевтика и деконструкция / под ред. В. Штегмайера, Х. Франка, Б. В. Маркова – СПб., 1999. – С. 202–242.
9. **Смолин О. Н.** Приоритеты образовательной политики: статус педагога, чистота эксперимента, здоровый консерватизм реформ // Философия образования. – 2003. – № 7. – С. 92–99.
10. **Сазонов Б. В.** Российский либерализм: жизнь после смерти. – URL : // <http://www.lab1-3.narod.ru/saz04-e.htm>.
11. **Андросенко С. В.** Философский анализ феномена государственной власти: теоретический и образовательный аспект // Философия образования. – 2009. – № 1(26). – С. 94–99.
12. **Турбовской Я. С.** От какого наследства мы отказываемся // Философия образования. – 2007. – № 3(20). – С. 6–13.

УДК 159.9 + 316.7 + 378

ПСИХОСОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

М. В. Сафронова (Новосибирск)

В статье анализируется психосоциальное самочувствие преподавателей технического университета; в качестве критериев были выбраны следующие факторы: удовлетворенность профессиональной деятель-

Сафронова Маргарита Викторовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной работы и социальной антропологии факультета гуманитарного образования ГОУ ВПО «Новосибирский государственный технический университет». 630092, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, д. 20.
E-mail: safronova@academ.org